

Григорий КРУЖКОВ

ЗАКЛАДКИ

Ностальгия обелисков:
Литературные мечтания.
М.: Новое литературное обозрение, 2001.
Художник Евгений Поликашин.
ISBN 5-86793-135-8
С. 688-700.

"УРОКИ АНГЛИЙСКОГО"

Осенью 1913 года Борис Пастернак решил серьезно взяться за английский язык, стал брать уроки. В сборник "Сестра моя – жизнь" войдет стихотворение с таким названием: "Уроки английского":

Когда случилось петь Дездемоне, –
А жить так мало оставалось, –
Не по любви, своей звезде, она –
По иве, иве разрыдалась.

К сожалению, мы не знаем имени учительницы – известно лишь, что это была англичанка-гувернантка, работавшая одно время в семье Высоцких. Несомненно одно: к языку гордых бриттов ученика влекла, прежде всего поэзия (как и Пушкина, учившего английский сперва ради Байрона, потом ради Шекспира). В январском письме Локсу Пастернак выписывает отрывок из письма Китса Джону Рейнольдсу. Ситуация зеркальная: через сто лет одна пара друзей отражается в другой. "Дорогой Костя", – начинает письмо Пастернак, а в выписке идет: "Дорогой мой Рейнольдс". Впрочем, Борис затушевывает симметрию с удивительной деликатностью: он не только извиняется за "безвкусицу перевода" (!), объясняя ее поспешностью и тем, что книгу нужно вернуть "через два часа" (значит, очень понравилось, если вы просил на такой краткий срок); но и объясняет саму выписку своим удивлением от сходства мыслей Китса с "образом жизни" своего друга. Мы же, читая, удивляемся сходству этих мыслей с философией самого Пастернака. Перевод (действительно шероховатый, но отнюдь не "безвкусный") звучит так:

У меня явилась мысль, что человек мог бы провести жизнь в сплошном наслаждении такого рода: пусть он прочтет в один прекрасный день какую-нибудь страницу, исполненную поэзии, или страницу утонченной прозы, пусть он отправится затем бродить без цели, не оставляя мысли об этой странице, пусть он согласует с нею свои мечты, размышляет о ней, сживется с ее жизнью, пророчит, на ней основываясь, и видит ее во сне <...> как сладостно будет ему это <...> усердное бездейст-

вие. И никогда скупое это пользование великими книгами не будет каким-то видом неуважения к писателям. Потому что почести, оказываемые людьми друг другу, – может быть, одни пустые безделицы в сравнении с благодеянием, совершенным великими творениями при их только пассивном существовании. <...> В последнее время мне кажется, что каждый может, подобно пауку, выткать изнутри, из самого себя, свою воздушную цитадель.

И дальше от перевода Пастернак переходит к пересказу (курсив – мой):

Затем он говорит о том, что своеобразие каждой души при таком неуклонном удалении от соседней грозит уделом полной непонятности. Но опасность эта мнимая. Доведя свою исключительность до абсолютных размеров, каждый в этой абсолютности встретит однажды покинутого соседа.

Даже не верится, что это мысли Китса, – настолько по-пастернаковски они звучат. Перед нами – надолго вперед рассчитанная стратегия его собственной поэзии, исчерпывающее объяснение ее "сложности и непонятности". А впрочем, можно проверить. Откроем письмо Рейнольдсу 19 октября 1818 года. В оригинале сказано примерно следующее: *характеры людей различны, трудно найти трех человек с одинаковыми вкусами; но это только так кажется; мысли людей расходятся в разные стороны, а потом снова пересекаются и совпадают.* Ничего от драматизма пастернаковского изложения у Китса нет – ни "неуклонного удаления от соседней", ни "угрозы полной непонятности", ни "опасности". И, конечно, никакого "доведения своей исключительности до абсолютных размеров".

Что же, Пастернак нарочно вводит в заблуждение друга? Да нет же! Он просто сделал то, что ему насоветовал Китс: прочел страницу "утонченной прозы", отправился бродить, не оставляя мысли об этой странице, согласовал с нею свои мечты – и, наконец, стал пророчить, основываясь на этой странице... (И, кстати, правильно напрогнозировал.) Видимо, он даже не заметил, что говорит уже больше от себя, чем от пересказываемого автора.

Далее в письме Рейнольдсу следует стихотворение, с помощью которого Китс доказывает свой тезис об "усердном безделье", об ущербности многознания и о том, что люди напрасно не доверяют самобытности собственного ума. Пастернак тоже перевел его в своем письме Локсу, хотя вчерне и не полностью. Я позволю себе привести его здесь полностью в своем собственном переводе. Такое уж это стихотворение, что у всякого, кто его прочтет, сразу чешутся руки перевести. Оттого я никогда раньше даже не предлагал его к печати (всегда хватало вариантов); и хотя я опубликовал много других переводов из Китса, этот остался на листочке. А перевел я его, когда было мне примерно столько же лет, сколько Китсу в 1818 году, а Пастернаку – в 1914-м.

ЧТО СКАЗАЛ ДРОЗД

Из письма Дж. Рейнольдсу

О ты, кому в лицо дышала вьюга,
Чей взор томили тучи снеговые
И меж ветвями – стылых звезд огни,
Тебе весна трикраты будет жатвой.

О ты, кому единственной книгой
Был свет верховный тьмы, тебя питавшей
За ночью ночь, когда скрывался Феб, –
Тебе рассвет трикраты будет утром.

За знаньем не гонись – я знаю мало,
Но по весне сама родится песня.
За знаньем не гонись – я знаю мало,
Но Вечер мне внимает. Тот, кто мыслью
О праздности терзается, не празден,
И тот не спит, кто думает, что спит.

Пастернаковские переводы из Китса (сделанные весной 1938 года) наперечет: "Ода к Осени", вступление к "Эндимиону", два сонета. Но оказывается, еще за двадцать пять лет до этого Пастернак выписывал цитаты из Китса и пробовал его на зуб. И напрасно потом Пастернак бранился против романтизма; оказал же ему английский романтик неоценимое благодеяние одним своим "пассивным существованием", заочным разговором о непонятности поэзии. Далеко раскатилось эхо и от китсовского дрозда – может быть, вплоть до самого: "Не спи, не спи, художник..." – а то и дальше.

Источник: [Вавилон](#)